

Он смотрел на меня, отчаянно желая, чтобы я поняла, простила все самые ужасные колкости, которые он когда-либо выплескивал в мой адрес. Я легко это сделала, потому что да, я понимала. Я точно знал, о чем он говорил. Когда ты долго носишь маску, она прилипает к тебе, как вторая кожа, и снять ее практически невозможно. Моя маска была маской слизеринской змеи, а Драко - чистокровного фанатика. Таковы были роли, которые нам пришлось играть, и мы играли их хорошо. Настолько хорошо, что, когда опустился занавес и пришло время прервать спектакль, мы едва не смогли этого сделать.

Тогда я поняла, почему Драко всегда знал, что мне сказать. Потому что мы с ним были похожи гораздо больше, чем я могла предположить до этого момента.

"Ты знаешь, что знаю", - пробормотала я и убрала руку. Когда бы мы ни свернулись калачиком вместе, он всегда обнимал меня. Он был намного больше меня, выше, шире, сильнее. Когда он обнимал меня, я чувствовала себя меньше, чем когда-либо, но я не могла избавиться от ощущения безопасности, когда меня обнимал другой человек.

Но сейчас речь шла не обо мне. Дело было в Драко. Я потянулась вверх и переместилась так, чтобы сидеть, опираясь на бедро. Обхватив ладонями щеки Драко, я наклонилась вперед и нежно поцеловала его в лоб. Затем, тихонько воркуя, я притянула его к себе и прижала его голову к своей груди, к своему сердцу. Драко вздохнул, его тёплое дыхание обдало меня теплом и зашуршало по волосам, перекинутым через плечо. Он потянулся вверх, чтобы поиграть с распущенным локоном, и глаза его мягко затрепетали, когда я тоже протянула руки к его волосам, нежно проводя пальцами по платиновым локонам.

"Ты действительно относишься ко мне гораздо лучше, чем я того заслуживаю", - прошептала я. Драко покачал головой и прижался ко мне, слегка поглаживая волосы, накрученные на его пальцы, в знак мягкого упрека.

"Не в моих глазах", - возразил он. Я издала слабый звук "ха" и продолжала гладить его по волосам, пока не закончился патруль.

Большая часть февраля прошла без происшествий, за исключением поражения Гриффиндора от Хаффлпафа. Даже самый слабый игрок на поле для квиддича мог понять, что у гриффиндорской команды нет ни единого шанса. Они были вынуждены привлечь трех новых игроков, и только Джинни была близка к тому, чтобы быть настолько же хорошей, как и те, кого они заменили. Единственное, что удивляло в матче, - это то, что Гриффиндор проиграл с перевесом всего в десять очков, 240 против 230.

Но вот наступило 23-е число, а вместе с ним и мартовский выпуск "Квибблера". На него было подписано всего несколько человек, но это не имело значения. Не успели мы позавтракать, как по городу разнеслась весть о том, что Гарри дал интервью "Квибблеру". Более того, он дал интервью Рите Скитер.

К сожалению, у меня не было достаточно времени, чтобы узнать подробности, и занятия не позволили мне заполучить копию статьи до середины утра. К тому времени появился Декрет об

образовании № 27, запрещающий статью, и это было самое худшее, что мог сделать Унбридж. Почти мгновенно те, у кого была подписка на Quibbler, стали легкими знаменитостями, поскольку люди наводнили их, чтобы купить волшебным образом сделанные копии номера.

Я был менее хитер. Я продемонстрировал свой значок prefecta дрожащей второкурснице Хаффлпаффа и отобрал у нее его. Она была либо слишком молода, либо недостаточно умна, чтобы наложить на него какие-либо чары, чтобы он не казался тем, чем был. Большинство других учеников так быстро спрятали свои незаконные журналы, что было даже немного страшно, насколько двуличными они все могут быть.

С обложки на меня смотрело лицо Гарри, выглядевшее слегка неловко. Под ней красовался заголовок статьи, вызвавшей такой большой переполох.

ГАРРИ ПОТТЕР НАКОНЕЦ-ТО ГОВОРИТ ПРАВДУ: ПРАВДА О ТОМ, КТО НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАЗВАН, И О ТОЙ НОЧИ, КОГДА Я УВИДЕЛ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ

"Сын банши", - поклялся я, читая.

Здесь было все, все до мелочей. Смерть Седрика, ритуал - разумеется, без кровавых подробностей - и часть речи Волан-де-Морта, слово в слово переданная из памяти Гарри. Единственное, что я мог сказать Гарри, это то, что он воздержался от упоминания моего нового шрама. Если бы он это сделал, я бы сделал то, что Волан-де-Морт не мог сделать годами, и убил бы его.

А так я еще могу. Ярость захлестнула меня, когда я прочитал список имен в конце статьи - имена тех, кого Гарри называл Пожирателями смерти, которые были там, на кладбище, той ночью. Малфой, Крэбб и Гойл, конечно же. Розье и Макнейр, до которых мне не было никакого дела. Нотт и Гринграсс, что было явной ложью, потому что я знал ее родителей и нигде на кладбище не слышал голоса ее отца.

Откуда у него такое право?

Я яростно скомкал статью в руках. Я не сомневался, что Крэбб и Гойл, покинув школу, присоединятся к ней. Они были из тех головорезов, которых привлекал Волан-де-Морт. Но Нотт, Гринграсс, Малфой, Забини? Единственная причина, по которой кто-то из них мог бы присоединиться, - это желание спасти свою шкуру. В их мире было так: либо присоединяйся, либо умри, и именно этого не понимали поклонники Гарри. Они могли не ценить свою шкуру, но мы ценили, и мы сделали бы все возможное, чтобы спасти себя, и это было не так уж плохо.

И чего же добилась статья? Она вышла в "Квибблере", и, несмотря на шум, который она вызвала, к ее содержанию все равно можно было бы отнестись скептически, потому что "Квибблер" печатал. Конечно, из-за своей необычной репутации журнал не заставил бы людей поверить в это, но некоторых это определенно оттолкнуло бы.

То, что случилось в Хогвартсе, скорее всего, случится и в других местах. Неожиданность появления статьи об этом в журнале была бы достаточной, чтобы убедить людей выложить несколько лишних фунтов, чтобы прочитать ее, и хотя она убедила бы многих, эти люди, скорее всего, были бы бесполезны для общего дела. Возможно, они будут более подготовлены, но в то же время они будут бессмысленно паниковать, пока Волан-де-Морт не подаст знак или не совершит ошибку.

И еще был вопрос о людях, которых Гарри называл Пожирателями смерти. Меня меньше всего волновали Крэбб и Гойл-старшие, а Люциус Малfoy - только потому, что кем бы он ни был, он был отцом Драко, и я знал, что, даже если у них не самые звездные отношения, это все равно причинит ему боль. То, что говорили о родителях Астории, было неправдой, и хотя мне было абсолютно все равно, что с ней случится, я знал, что это причинит боль Дафне. А Нотт... благословите его, он бы предпочел просто сидеть и читать, но нет, Гарри лишил их всех этой возможности.

Он бросил их на растерзание акулам. Потому что люди будут поддерживать Гарри и Дамблдора либо по-настоящему, либо потому, что так принято в обществе. Это означало бы, что в одночасье невинные дети Пожирателей смерти стали бы изгоями из-за того, чему они не могли помочь и что не поддерживали. И почему? Потому что Гарри не мог справиться с плохой прессой.

Я стоял в этой нише и размышлял довольно долго - на самом деле, весь урок Дивинации. Но кого это волновало? Амбридж следила за этим, а Трелони, пошатываясь, предсказывала конец света с еще большей нелепостью, чем обычно. Я стоял, думал и смотрел на эту картину, пока не смог больше терпеть. Мой гнев вырвался из моих рук в виде магии. Квиблер загорелся и растворился в пепле между моими пальцами, когда я выпустил класс и за спиной раздался звук шагов.

В моих глазах горел огонь, когда я несли по коридорам, мантии вихрились и трещали вокруг меня, создавая впечатление, что я глава Дома. Люди уходили с дороги, когда я проходил мимо, и я их не винил. Я выглядела убийцей, потому что так и было.

Я даже не осознавал, что произношу пароль от стены, но между одним мигом и следующим я стоял в Общем зале и смотрел на всех. Неудивительно, что вместо того, чтобы идти на обед, дети названных Пожирателей смерти укрылись в Общем зале, сгрудившись на диванах и креслах у камина. Паркинсон, сестры Гринграсс, Драко, Крэбб, Гойл, Нотт. Все они были здесь, Забини и еще несколько человек сидели с ними для поддержки.

Все взгляды обратились ко мне, когда я прочистил горло.

"Все вы", - сказал я, обращаясь к каждому из них по очереди, даже к Паркинсон. Она была единственной из них, кому я пожелал бы этого. "Следуйте за мной, пожалуйста". Это было сказано вежливо, но твердо. Я повернулась на каблуках и вышла. Я не удивилась, услышав шаги за собой, но их было определенно больше, чем ожидалось. Незаметно оглянувшись через плечо при повороте, я увидел, что почти половина обитателей Общей гостиной следует за мной, и еще больше слизеринцев с любопытством вливались в эту массу, когда мы проходили

мимо.

Я заметил двух девочек из Рейвенкло, прижавшихся друг к другу в углу и склонивших головы над отдельными экземплярами "Квибблеров". Промчавшись мимо, я выхватил экземпляр из рук одной из них, а вторую превратил в пепел выстрелом из своей палочки. Они удивленно вскрикнули и бросились ко мне, но в страхе отступили, увидев массу зеленых мантий на моих пятках.

Я сделал предположение и оказался прав. Я предполагал, что Гарри будет прятаться от внимания, которое, по его словам, он ненавидит, хотя его действия говорили об обратном. Он бы не пошёл в Большой зал на обед. Он, Рон и Гермиона сидели под деревом во внутреннем дворе, тем самым, у которого Малфой дразнил Гарри в прошлом году, до инцидента с хорьком.

Гарри стоял спиной ко мне, а вот Рон и Гермиона - нет. Они видели, что я иду, и, что еще важнее, они видели маленькую изумрудную армию, идущую за мной.

<http://tl.rulate.ru/book/48340/3562354>